

Марина С. Серова
Хрустальный шар судьбы
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=576085
Хрустальный шар судьбы. Самая последняя правда: Эксмо; М.: 2011
ISBN 978-5-699-46676-4

Аннотация

К частному детективу Татьяне Ивановой обращается Альбина Черкасова. Недавно убили невесту ее сына, студентку медицинского колледжа Марианну Новожилову. Она умерла от отравления ядом замедленного действия в квартире врача, под руководством которого проходила практику. Новожилова зашла к нему за капельницей и внезапно скончалась. Сыщица едет в колледж. Одна из студенток высказывает предположение, будто смерть девушки связана с ее сиротским прошлым. Известно, что перед смертью Марианна развернула активные поиски пропавшей подруги Вероники – бывшей воспитанницы того же детского дома...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	7
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова

Хрустальный шар судьбы

Пролог

– Ника, ты не спишь? – приглушенный голос звучит заговорщически.

– Нет, – тихо отзывается Вероника из-под одеяла.

– У меня для тебя что-то есть...

– Что, Маруся?

Маруся достает из-под одеяла что-то шуршащее и протягивает Нике. Та ощупывает, осматривает это при тусклом свете пробивающейся в окошко луны и понимает, что это леденец в целлофановой обертке – яркий, розовый, нереально аппетитный.

– Откуда это у тебя? – спрашивает она удивленно.

– Тетя Катя дала.

– Сразу два? – недоверчиво уточняет Ника.

– Нет, один. Но я сказала, что нас с тобой двое, поэтому пусть еще один даст. Он же пополам не ломается! Ты ешь, ешь! Я уже свой начала.

– Спасибо, – говорит Ника, бережно припрятывая гостинец под подушку.

Некоторое время в комнате висит тишина.

– Ника! – вновь слышится голос Маруси, сопровождаемый уютным причмокиванием.

– Ау?

– А ты сейчас что делаешь?

– Ничего, – пожимает плечами Ника. – Думаю.

– А о чем? – не отстает Маруся.

– Да так... Стих сочиняю.

– Везет же! – вздыхает Маруся. – А у меня стихи никогда не получаются. Как-то пробовала прочитать, так вся группа смеялась. Ника, а ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

– Не знаю... Я как-то не думала об этом, – задумчиво говорит Вероника.

– Ты много кем можешь быть! – убежденно говорит Маруся без тени зависти. – Ты талантливая. Ты и стихи сочиняешь, и поешь, и картины у тебя вон какие красивые. Только я их не всегда понимаю.

– Ничего, – с легкой грустью улыбается Ника. – Вырастешь, поймешь...

– Ты всегда так говоришь! – с обидой замечает Маруся. – Рада, что на целых два года меня старше.

– Вот уж нисколько, – возражает Ника. – Давай спать.

– Давай, – соглашается Маруся, но продолжает возиться.

Через некоторое время она приподнимается на кровати и склоняется к Нике:

– Ника, спишь?

– Нет, – слегка недовольно откликается Вероника. – Ты-то почему не спишь?

– Не получается что-то... Ника, а знаешь, кем я хочу стать?

– Ну, кем? – интересуется Вероника, кажется, только для того, чтобы Маруся поскорее отстала.

– Спасателем! – на ухо ей выдыхает та.

– Кем? – Ника сама изумленно приподнимается на постели.

– Спасателем! – повторяет Маруся, гордая произведенным эффектом.

– Девочки! – дверь приоткрывается, и раздается строгий голос. – Спать сейчас же!

Девчонки разом замолкают и утыкаются в свои подушки.

– И кого же ты спасти собралась? – когда шаги в коридоре стихают, Ника отрывает голову от постели и смотрит на девочку с ласковой улыбкой.

– Да всех подряд! Всех, кому нужна помощь! Вот тебя, например!

– А меня-то от кого?

– От кого... Да мало ли от кого! – отмахивается Маруся.

– Ох, Маруся! В прошлом году ты хотела быть пожарником, потому что у них красивая форма и они ездят на машине с сиреной. Потом хотела быть летчиком. Потом – машинистом, и обязательно на паровозе! Потому что он тебе понравился на картинке. Хотя сейчас и паровозов-то нет. Интересно, кем ты станешь на самом деле?

– Спасателем! – упрямо заявляет Маруся. – И буду спасать тебя! Тебя обязательно придется спасать, ты же такая непрактичная!

– Это кто тебе сказал такое? – удивленно спрашивает Ника, подпирая подбородок остреньким кулачком.

– Тетя Катя! Она говорит, что за такой неприспособленной барышней глаз да глаз нужен. И еще добавила: «Господи, хоть бы ей муж хороший достался, самостоятельный!» Ника, а ты хочешь замуж?

– Не знаю. А что это ты о замужестве задумалась? Сама, что ли, собралась? Не рановато ли?

– Нет, что ты! Я, Ника, никогда замуж не выйду. Ни за что! Я просто боюсь, что ты выйдешь, я стану тебе не нужна, и ты меня бросишь...

Голосок Маруси дрожит, и Ника улавливает в темной тишине всхлипывание. Приподнявшись выше, она нащупывает темную головку подружки и гладит жесткие волосы:

– Ну что ты такое говоришь! Я никогда тебя не брошу.

– Обещаешь? – с надеждой вскидывает на нее Маруся огромные глаза.

– Обещаю. Спи.

Ника прикрывает глаза и пытается придумать рифму к сложному слову «меланхолия». В голову приходит почему-то только Монголия, и Вероника пытается представить, какая она, эта Монголия, которую она видела только на карте и которая представляется ей загадочной, таинственной страной с цветочными лугами, где живут необыкновенные люди, похожие на древних сказочных богатырей... Маруся вертится рядом на своей постели и вздыхает. Ей явно не терпится спросить еще о чем-то, но она видит, что Ника лежит с плотно сомкнутыми веками и ровно дышит. Маруся несколько раз косится на нее, затем не выдерживает:

– Ника! Спишь?

– Ну что тебе еще? – едва слышно тянет Ника.

– А мы с тобой правда сестры?

– Да дашь ты мне сегодня поспать, Маруся? Ты же знаешь, что нет. Но мы... Мы даже ближе, чем сестры! Мы же с тобой все время вместе, все друг о друге знаем.

– И конфеты всегда пополам делим, и пряники! – подхватывает Маруся.

– Глупышка ты еще совсем! Спи.

Маруся, кажется, успокаивается от слов Ники. Она уже не возится, лежит тихо, свернувшись в комочек и подтянув колени к животу. Через некоторое время она начинает посапывать. Ника же, неожиданно взволнованная сегодняшней болтовней и серьезными вопросами, затронутыми младшей подружкой, теперь никак не может заснуть.

Луна выходит из-за облаков и освещает своим неярким светом комнату. Ника видит спокойные лица спящих девочек, темные кудряшки Маруси. Они совсем не похожи на ее собственные. У Маруси кудри крутые, жесткие, непослушные. И черные. У Ники – длинные мягкие локоны, пепельно-русые, которые покорно ложатся так, как их причешешь. Их даже жалеют стричь, когда приходит время, позволяют расти, в нарушение порядка.

Ника склоняется к постели Маруси, вглядывается в круглое безмятежное личико, проводит по крепенькой загорелой руке с болячкой на локте, замазанной зеленкой...

– Спасательница, – с улыбкой произносит она и поправляет на подруге сбившееся одеяльце. – Сама смотри не попади в беду, с твоим-то неугомным характером...

Глава первая

– Кружится Земля вокруг своей оси, ну а мне двадцать лет! – весело распевала я вместе с включенным радио, безбожно греша против истины и не испытывая ни капли угрызений совести.

А с чего бы мне их испытывать, если я чувствовала себя совсем юной и счастливой этим солнечным летним днем? Не зря же говорится, что женщине столько лет, на сколько она себя ощущает. А это во многом зависит от настроения. Мое же настроение было просто чудесным, можно даже сказать, беспричинно чудесным, совсем как в юности, когда ты постоянно живешь с ощущением счастья в душе. Ну и о чем тут еще говорить?

Я возвращалась на своем «Ситроене» с турбазы, на которой провела целых пять отличнейших дней в компании со своей подругой, Светкой-парикмахершей, и с парочкой старых друзей-приятелей. Погоды, как говорится, стояли дивные, свинина для шашлыка была выбрана самая лучшая, сок и минералка хранились в холодильнике и были приятно прохладными, а красное вино – ледяным.

К концу недели мое тело покрылось ровным темно-коричневым загаром с золотистым отливом, а натуральные светлые волосы побелели и стали почти льняными, совсем как в детстве. Отдых явно пошел мне на пользу, я успела расслабиться, наполниться новыми силами и зарядиться энергией и бодростью.

Но, как бы ни было мне хорошо на волжских берегах, признаться, я ощущала радость и облегчение от возвращения домой. Что ни говори, а дома всегда лучше, чем где бы то ни было. Я уже соскучилась и по любимому дивану, и по дискам с излюбленными фильмами, по телевизору с интересными программами, да и по работе, честно говоря, я тоже соскучилась. Может быть, кому-то это и покажется странным, но я люблю свою работу. И если бы мне суждено было родиться заново, я бы, не задумываясь, с радостью вновь выбрала профессию частного детектива – трудную, опасную, порою изнурительную, но такую интересную!

Поставив машину в гараж, я направилась в ближайший супермаркет, так как холодильник дома был не только пуст, а даже и выключен, дабы не накручивать электроэнергию впустую все эти дни. Наполнив корзину любимыми продуктами, запасаясь тремя литрами апельсинового сока и большой банкой кофе, я, пройдя через кассу, прошествовала наконец к себе домой. Не успела я повернуть ключ в замке, как сразу почувствовала родной, ни с чем не сравнимый запах родного жилища.

– Фу-у-ух-ты! – произнесла я, плюхаясь на мягкое сиденье дивана после того, как рассовала продукты по местам.

Пока в кухне закипала вода для кофе, я лениво пощелкала телевизионными каналами и, в очередной раз убедившись, что смотреть, в сущности, нечего, выключила телевизор и пошла доваривать свой любимый напиток. Вернувшись с чашкой в комнату, я машинально остановилась, чтобы проверить записи на автоответчике домашнего телефона. Их было немного, а вот пропущенных вызовов – порядочно. В основном это были старые друзья, которые уже дозвонились мне на сотовый. Но вот один номер, незнакомый мне, высветился аж двадцать три раза! Кто-то очень упорно меня добивался...

Я не стала перезванивать, так как стараюсь руководствоваться правилом: не бежать впереди паровоза. Надо будет, сами позвонят. Не успела я об этом подумать, как телефон разразился заливистой трелью. Я посмотрела на экран – так и есть! Тот самый номер. Не став скрываться, я подняла трубку.

– Алло? Алло? – высокий женский голос звучал взволнованно и удивленно одновременно. – Я могу поговорить с Татьяной Александровной Ивановой? – спросила женщина.

– Я внимательно вас слушаю, – ответила я.

– У меня к вам очень важное дело! Слава богу, что наконец-то я дозвонилась! А то я уже подумала, что вы сменили номер, и как вас теперь разыскивать, непонятно... Когда мы с вами можем встретиться?

– Вы, простите, по какому вопросу? – прервала я эмоциональные эскапады незримой собеседницы.

– Я? То есть... Я как бы... – голос зазвучал несколько растерянно, однако женщина быстро взяла себя в руки. – Я, можно сказать, по самому что ни на есть прямому вопросу! По вашей профессиональной части. Мне нужно, чтобы вы раскрыли преступление!

– А что за преступление? – изо всех сил скрывая тоску в голосе, поинтересовалась я.

Я, конечно, успела соскучиться по работе – сама себе только что в этом признавалась, каюсь. Но чтобы вот так, что называется, с корабля на бал... К такому повороту событий я была, честно признаться, не готова. У меня имелись совершенно определенные планы на сегодняшний вечер, как-то: ничего не делать и тупо отдыхать. От чего? От отдыха, как бы парадоксально это ни звучало! Сменить активный отдых на пассивный. Вот так. И эта женщина со своим преступлением никак не вписывалась в мои планы. В душе я даже надеялась, что ее дело окажется какой-нибудь ерундой и мне удастся убедить дамочку, что оно вполне потерпит до завтра. А может быть, и вообще от него можно будет отказаться.

– Убийство! – разочаровала меня потенциальная клиентка. – Совершенно убийство!

– Кого убили-то? – вяло полюбопытствовала я, подавив вздох.

– М-м-м... – дамочка слегка запнулась, но потом заговорила увереннее: – Убили одну молодую девушку. Ее отравили.

– Откуда у вас такая уверенность? – спросила я.

– В смысле? – не поняла женщина.

– Ну, может, это был несчастный случай? Или самоубийство?

Женщина как-то обиженно засопела.

– Вы прямо как милиция говорите, – сказала она. – А я думала, что вы заинтересованы в том, чтобы действительно раскрыть преступление...

– Извините, пожалуйста, – взяв себя в руки, сменила я тон. – Просто мне необходимо знать подробности. Я вовсе не пытаюсь куда-то «сплавить» ваше дело.

Хотя именно такая мысль возникла у меня в начале нашей беседы.

– Понимаете, – продолжила я, – иногда человек может заблуждаться, полагая, что произошло убийство. Может быть, девушка отравилась сама?

– Даже если это так... – тон дамочки неожиданно стал твердым. – Я хочу, чтобы вы это установили. Я не могу больше смотреть, как мальчик мучается! Он совершенно не находит себе места, и я опасюсь за его здоровье. Поэтому все должно выясниться раз и навсегда!

– Что за мальчик-то? – подивилась я. – И почему он мучается?

– Ах, я же не сказала вам! – раздосадованно произнесла моя собеседница. – Дело в том, что с этой девушкой встречался наш сын. Они... как бы это сказать... Дружили. И теперь, после ее смерти, он не находит себе места.

– Ну что ж, – пожала я плечами. – Тогда нам действительно нужно встретиться, чтобы вы мне все рассказали.

– Я подъеду прямо сейчас! – заявила женщина, не дослушав меня до конца. – Ждите!

И, не успевшая опомниться, как она положила трубку, оставив меня слушать треньканье коротких гудков... Мне ничего не оставалось, как вновь пожать плечами и отправиться в кухню, варить новую порцию кофе.

Звонок домофона прозвучал буквально минут через десять, из чего я сделала вывод, что женщина либо живет совсем близко, либо лихо водит машину.

Вскоре моим глазам предстала высокая, стройная дама лет сорока с небольшим, мило-видная, очень ухоженная, одетая в открытый сарафан в бирюзово-синих тонах, узко приспособленный в талии и с пышной длинной юбкой. Светлые волосы женщины были забраны наверх и сколоты симпатичной заколкой в виде перламутровой раковины. Золотистый загар ровно покрывал ее плечи, на которых не было бледных полос от бретелек купальника. Видимо, она либо посещала солярий, либо загорала на пляже топлес. На стройных ногах женщины красовались бело-синие босоножки со стразами, в руках она сжимала полосатую, в тон сарафану сумочку.

Женщина бросила взгляд на мою дорожную сумку, брошенную в коридоре, на мои мокрые после душа волосы...

– Ой, простите, я, наверное, не вовремя? – спросила гостя. – Вы с дороги?

– Ну, что теперь об этом говорить, – усмехнулась я. – Проходите, раз уж пришли.

– Вы все-таки простите меня, Татьяна Александровна, – продолжала она, снимая босоножки. – Я не знаю, есть ли у вас дети...

– Нет, – разочаровала ее я.

– Ну, все равно, думаю, что как женщина вы меня поймете, – говоря это, визитерша прошла за мной в комнату и села в предложенное кресло. – Мой сын очень страдает, я не могу на это спокойно смотреть! Он забросил учебу, друзей, похудел...

– Это я уже поняла, – прервала я ее. – Что все-таки случилось? И как вас зовут, кстати?

– Альбина Юрьевна, – немного запоздало представилась клиентка. – Фамилия наша – Черкасовы. Может быть, вы слышали? Мой муж работает в городской администрации...

– Увы, нет, – ответила я. – Хотя знакомые в администрации у меня есть. Но не думаю, что это сейчас важно. Расскажите о вашем деле.

– Сейчас, сейчас, – торопливо закивала Альбина Юрьевна. – Ох! Я просто очень волнуюсь...

Безукоризненный маникюр и макияж гостя, однако, свидетельствовали о том, что даже сильные тревожения не мешают ей заботиться о собственной внешности. Видимо, она привыкла в любых обстоятельствах, что называется, держать марку и блюсти имидж.

– Одним словом, у нас есть сын, Виталик. Ему двадцать один год. Учится в университете, на физико-математическом факультете, отделение нанотехнологий – он очень способный мальчик. Виталик занял первое место на городской олимпиаде, и его приняли в университет без экзаменов, представляете?!

Она восторженно взглянула на меня.

– Очень похвально, – кивнула я. – А что же произошло с его девушкой?

– Да-да, – Альбина Юрьевна помрачнела и затеребила подол пышной юбки сарафана. – В общем, примерно год тому назад он познакомился с девушкой... Ее звали Марианна.

– Какое интересное имя, редкое, – мимоходом заметила я.

– Да, да, – как-то печально подтвердила Черкасова. – Только вот...

Она снова замялась.

– Вам не нравилась эта девушка? – прямо спросила я.

Альбина Юрьевна вздохнула.

– Чем же? – продолжала допытываться я.

– Да понимаете... Нет! – она прижала руки к груди. – Я ничего не хочу о ней сказать плохого! Может быть, она и замечательная девочка! Она умненькая, трудолюбивая, настойчивая, вежливая... Никогда не грубила, не ругалась. Училась в медучилище.

– Ну и прекрасно! – кивнула я. – Так в чем проблема-то?

– Проблема в том, что она из детского дома. Приезжая, из Пензы, кажется. Ну вы поймите сами... – Альбина Юрьевна склонилась ниже и заговорила доверительно: – Ведь Вита-

лик – совершенно ей не пара! Он вырос в интеллигентной семье, в большом городе. У него и круг друзей соответствующий! Ну, словом... Вы понимаете.

– Понимаю, – вновь усмехнулась я.

– Я еще раз говорю, что ничего лично против Марианны я не имела, это все объективные факторы, поймите! Я не собираюсь поливать ее грязью! Тем более что ее уже нет в живых...

– Вот именно! – жестко напомнила ей я. – Может быть, все-таки поговорим об этом подробнее? Какая теперь разница, пара – не пара она была вашему сыну, если она умерла? Скажите лучше, когда это случилось? Где? Ваш сын был рядом с ней, когда она отравилась?

– Нет-нет, что вы! – воскликнула Альбина Юрьевна, округлив и вытаращив свои ярко-голубые глаза. – Это произошло в совершенно постороннем месте!

– Что значит «постороннем»? – сощурилась я.

– Ну, не имеющем к нам никакого отношения, – подчеркнула Альбина Юрьевна, решительно проведя ладонью в воздухе. – На какой-то чужой квартире какого-то ее знакомого. Виталик не знает этого человека!

– Так, Альбина Юрьевна, – устало произнесла я. – Давайте все-таки мы с вами определимся: мы собираемся прояснить факты смерти Марианны, причем сделаем это беспристрастно, не обсуждая пока что вашего Виталика. Или его подозревают в убийстве Марианны? – я пристально посмотрела Альбине Юрьевне в лицо.

– Да что вы! – глаза Черкасовой стали похожи на блюдца, а и без того высокий голос зазвенел, как натянутая струна. – Как вам могло такое в голову прийти?!

– Чем она отравилась? – вместо ответа спросила я.

– Каким-то медицинским препаратом, ядом, – сказала Альбина Юрьевна.

– Наркотиком? – уточнила я.

– Нет, кажется, нет... – неуверенно ответила она. – Я забыла название, но вы можете уточнить это в милиции. У вас же, наверное, есть туда... доступ?

– Есть, не переживайте, – успокоила ее я. – Так почему вы все-таки решили меня нанять, уважаемая Альбина Юрьевна, если, как я понимаю, Марианна не была вам особенно дорога и смерть ее вы, в общем-то, не оплакиваете?

– Ну зачем вы так... – смутилась Черкасова. – Я, конечно, не могу сказать, что любила ее, как родную дочь, но все же мне небезразлично, что она погибла. К тому же Виталик очень переживает. Я же говорила, что даже беспокоюсь за его здоровье.

– То есть, Альбина Юрьевна, вы можете твердо меня уверить, что вашему сыну ничего не грозит, его ни в чем не обвиняют, и лишь желание вытащить его из депрессии подвигло вас обратиться к частному детективу? Я вас прошу ничего от меня не скрывать, потому что я все равно узнаю правду. И если уж вы обращаетесь ко мне за помощью, то в ваших же интересах быть со мной искренней до конца.

– Я все понимаю, – кивнула сердобольная мама. – И абсолютно честно могу сказать, что Виталика ни в чем не обвиняют. По правде сказать, мы не сразу решились на то, чтобы нанять вас – ведь с момента смерти Марианны прошло уже больше недели... Муж поначалу даже и слышать не хотел ни о каком частном детективе. Но потом он и сам понял, что иначе добром дело не кончится. Виталик закрылся в своей комнате, по сути, он отгородился от всего мира. Он даже плакал первые дни!

Альбина Юрьевна прижала к глазам надушенный платочек и продолжила:

– Сначала Виталик не знал, что делать. А потом у него появилась эта идея насчет частного расследования. Уж не знаю, сам ли он до этого додумался, или кто-то из друзей ему подсказал, но я ухватилась за эту мысль. Если все выяснится, может быть, мальчик наконец успокоится? Понимаете, у него появилась цель! Вначале была полная апатия, а теперь он ждет, что убийца будет найден.

– И что тогда? – вскинула я голову. – Он пойдет и, в свою очередь, убьет его?

– Ох, да что вы! Боже упаси! – совсем перепугалась Черкасова.

– Я просто хочу, чтобы наше сотрудничество строилось на деловой основе, а не на эмоциях, – пояснила я. – Ни вам, ни мне совершенно не нужно, чтобы ваш сын наломал дров. Скажите, он вообще человек импульсивный?

– Иногда бывает, – призналась Альбина Юрьевна. – Но редко. И потом, что значит – импульсивный? Он никогда даже не дрался ни с кем! Он учиться всегда любил, за компьютером много времени проводил.

– То есть он не подвержен вспышкам агрессии?

– Нет, – категорически махнула рукой Черкасова.

– А вы что-нибудь знаете о том, кто мог желать смерти Марианны? Что за круг общения у нее был? Где она проживала?

Я задала Альбине Юрьевне целый ряд важных вопросов, памятуя о том, что она толком не ответила на предыдущие. Я уже поняла, что моя клиентка весьма импульсивна и относится к тому типу людей, которые действуют, повинаясь исключительно чувствам, а не разуму и логике. Ну что ж, это, конечно, всегда несколько осложняет работу с ними, но все же несмертельно – я привыкла к разным клиентам, и Альбина Юрьевна в этом смысле была не самым плохим вариантом. По крайней мере, она не пыталась давать мне указаний, как вести расследование.

– Жила она в общежитии, ей дали комнату от училища, – более или менее внятно ответила Черкасова.

– Одна? Или она делила с кем-то эту комнату? – уточнила я.

– Не знаю.

– Адрес, где произошла ее смерть, вам известен?

– Нет...

– Словом, вы ничего не знаете, – со вздохом вынуждена была констатировать я. – Придется побеседовать с вашим сыном. Надеюсь, вы не будете возражать, ведь это означает – подвергнуть мальчика такому стрессу? – не в силах скрыть иронию, уточнила я.

– Я понимаю необходимость этого, – поджав губы, согласилась Альбина Юрьевна. – Виталик сам ждет не дожидается, когда появятся хоть какие-нибудь новости.

– Кстати, а это лично Виталик дал вам номер моего телефона? – поинтересовалась я.

– Нет, Сергей. Муж, в смысле, – пояснила Альбина Юрьевна. – Когда мне удалось его убедить в том, что нужно нанять частного детектива, он сказал – так и быть, но только с условием, чтобы это был свой человек.

– Что значит – свой? – удивилась я. – Первый раз слышу, чтобы я была своей для вашего мужа! Мы с ним даже не знакомы и, думаю, никогда не виделись.

– Может быть, я не совсем удачно выразилась, – поправилась Альбина Юрьевна. – Я просто имела в виду, что муж начал действовать через свои каналы. И один из его коллег порекомендовал мне вашу кандидатуру. Виктор Павлович Арбузов – знаете такого?

– Ах, вот оно что, – протянула я. – Тогда все понятно.

Чиновник городской администрации, Виктор Павлович Арбузов был мне давно знаком. Несколько раз мне приходилось пересекаться с ним по делам, несколько раз мы встречались в разных ситуациях, в том числе и на светских мероприятиях. Отношения у нас были вполне дружелюбными, и я не удивилась, что он посоветовал Черкасову обратиться ко мне.

– У вас есть фотография Марианны? – спросила я.

– С собой нет, – растерялась Альбина Юрьевна. – А что, нужно было взять? Я могу попросить у Виталика...

«Непонятно, какого рожна она так спешила сюда, если толку от нее никакого», – с невольным раздражением подумала я, однако постаралась ничем не выдать своих чувств.

– Думаю, Альбина Юрьевна, вы все-таки поспешили со своим визитом ко мне, – заметила я вслух.

– Как поспешила? – удивилась Альбина Юрьевна. – Я третий день вам названиваю!

– Я говорю в том смысле, что лучше было бы мне самой приехать к вам, – сказала я. – От вас, к сожалению, я не могу получить полноценную информацию: вы и сами не в курсе многих вещей. Надеюсь, ваш Виталик окажется лучше осведомлен о жизни своей девушки.

– Вы что, хотите поехать к нам прямо сейчас? – спросила Альбина Юрьевна.

– А зачем тянуть-то? – улыбнулась я. – Вы на машине?

– Да, шофер ждет внизу.

– Тогда будьте добры, подождите там же, я скоро спущусь, – попросила я.

– Подождите, а деньги? – Альбина Юрьевна затеребила свою сумочку. – Ведь я взяла с собой определенную сумму. Вот, возьмите. Думаю, этого хватит?

Денег было достаточно – и за несколько дней расследования, и на расходы. Что ж, причин отказываться от этого дела у меня не было, и я молча кивнула.

– А теперь разрешите, я все-таки соберусь, – сказала я и, когда Черкасова, понимающе кивнув, покинула мою квартиру, достала из сумочки замшевый мешочек, в котором хранились мои гадальные кости. Этими двенадцатигранниками я пользуюсь уже много лет, обращаюсь к ним с любым важным для меня вопросом. И всегда получаю достоверный ответ. Нужно лишь правильно расшифровать выпавшее толкование. Но за годы общения с костями я научилась делать это мастерски. Сейчас косточки сообщили мне следующее:

«3+21+25» – «Вы займетесь благородной работой, даже если она будет незаметна для окружающих».

Приятно, когда твоя работа высоко оплачивается. Но вдвойне приятнее, когда она еще и оказывается благородной!

Я улыбнулась, быстро оделась, причесалась и, довольно подмигнув своему отражению в зеркале, спустилась на улицу.

Альбина Юрьевна восседала на переднем сиденье серебристого «Ниссана» рядом с симпатичным водителем лет тридцати двух – тридцати пяти. Он небрежно осмотрел меня и, услышав, как хозяйка что-то сказала, вышел из машины и открыл заднюю дверцу.

– Благодарю, – бросила я, усаживаясь в мягкое кресло, и машина лихо стартовала с места.

Жили Черкасовы в районе Набережной Космонавтов, в новом девятиэтажном доме, снабженном охраной. Альбина Юрьевна, выйдя из машины, подняла голову и посмотрела на один из красно-кирпичных балконов. Я проследила за ее взглядом, но никого не увидела. Моя клиентка вздохнула и, покачав головой, прошагала к подъезду.

Мы поднялись на девятый этаж, женщина отперла дверь, и мы прошли внутрь. В квартире было прохладно, даже холодновато: сплит-система, видимо, была установлена на минимальную температуру. В условиях нынешней жары это было, конечно, приятно.

Квартира Черкасовых оказалась двухуровневой. Альбина Юрьевна первым делом прошла по лестнице на второй этаж. Однако она очень быстро вернулась и, перегнувшись через перила, радостно провозгласила:

– Поднимайтесь, пожалуйста, Виталик вас ждет!

– А ваш муж дома? – полюбопытствовала я, ступая на лестницу.

– Увы, пока нет, – развела она руками. – И неизвестно, когда вернется. Он может задержаться допоздна, это обычное дело.

Я прошла по коридору второго этажа, сопровождаемая хозяйкой, к комнате, дверь в которую была приоткрыта. Альбина Юрьевна автоматически нацепила на лицо слащавую улыбку и толкнула дверь.

– Виталик, а вот и мы! – пропела она каким-то приторным голосом, который звучал преувеличенно ласково, с сюсюкающими интонациями.

Я, конечно, не мать, и даже не психолог, но все же мне показалось, что для разговора с сынишкой, которому уже перевалило за двадцать, подобный тон не очень-то подходит.

Решив особо не церемониться с нежным юным созданием, я прошла в комнату и столкнулась взглядом с миловидным молодым человеком с длинными волнистыми темно-русыми волосами, казавшимися очень мягкими. Парень полулежал на широком диване с дымчато-голубоватой обивкой. При моем появлении он поднялся. В его глазах виделись вопрос и оценка. Он скользнул по мне взглядом, чуть сощурился и неожиданно улыбнулся.

– Добрый вечер, – приятным тенором поприветствовал он меня. – Я Виталий, а вы – Татьяна Александровна?

– Да, Виталик, это та самая Татьяна Александровна, о которой нам рассказал дядя Витя, – все с той же слащавой манерой разговора влезла Альбина Юрьевна. – Ты уж поговори с ней, сынок, расскажи ей о...

– Альбина Юрьевна, – решительно вмешалась я, поскольку мне уже надоела эта материнская гиперопека. – Если я не ошибаюсь, именно Виталий был инициатором того, чтобы я принялась за эту работу? Тогда ваши уговоры побеседовать со мной выглядят несколько странно, согласитесь...

– Мама, оставь нас, пожалуйста, вдвоем, – попросил сын, пристально глядя на мать.

В его голубых глазах, явно доставшихся сыну от матушки, я неожиданно заметила злой огонек.

– Я просто думала, что, может быть, смогу помочь, – принялась оправдываться Альбина Юрьевна, но Виталик перебил ее:

– Мы и сами прекрасно справимся. Лучше приготовь нам что-нибудь.

– Хорошо, хорошо, сейчас я все сделаю, – прижимая ладони к груди, сказала Альбина Юрьевна и пошла к выходу. Однако у двери она все же обернулась и задержалась на несколько секунд.

– Мама, ну! – раздраженно повысил голос Виталик, и Альбина Юрьевна метнулась в коридор.

Я едва заметно улыбалась.

– Извините, – пробормотал Виталик, глядя в сторону. – Мама порой бывает невыносима.

– Давай не будем об этом, – попросила я. – Меня сейчас интересует конкретная информация, чтобы я могла начать исследование. Итак, рассказывай, с самого начала. Где и как ты познакомился с Марианной?

– В центре «Волга-спорт», – сразу же ответил Черкасов-младший. – Это было почти год тому назад. Я занимался там теннисом, а она пришла на фитнес. Я сразу обратил на нее внимание и предложил подвезти. Она согласилась. Так мы и познакомились...

– Чем она тебе понравилась? – мягко спросила я.

– Ну, это зачастую происходит иррационально, сложно объяснить с точки зрения логики, – пожал плечами Виталик. – Хотя и с этой стороны все понятно: Марианна была очень красивая, веселая. Яркая девушка, заметная. Но... Таких ведь много, понимаете? А понравилась мне именно она. Значит, дело в чем-то другом.

Он посмотрел на меня с недоумением, словно и сам не понимал, чем же еще его привлекла Марианна.

– Ладно, понравилась, и все! – махнула я рукой. – Она была совсем одинока, как я понимаю?

– Да, она из детского дома, – кивнул Черкасов.

– Ты что-нибудь знаешь о той ее жизни?

– Да, она неоднократно мне об этом рассказывала. Говорила, что она сирота. Детский дом вспоминала с теплотой, ни о ком слова плохого не сказала.

– Она давно приехала в Тарасов?

– Год назад и приехала!

– И сразу пошла на фитнес? – удивилась я.

– Ну, а что тут такого? – нахмурился Виталик. – Она была очень жизнелюбивая, хотела многое попробовать. Я ее прекрасно понимал: это мы выросли в городе, в благополучных семьях. А у нее многого не было, очень многого. И ей хотелось наверстать упущенное, все попробовать.

– В смысле – все? – насторожилась я. – Алкоголь, наркотики?

– Нет, – поморщился Виталик. – Я совсем не об этом! Марианна, кстати, была равнодушна к таким вещам. Я как раз сейчас понял, чем она меня зацепила. Она была... Неиспорченная, понимаете? Нет, она не была ограниченной простушкой из маленького провинциального городка, хотя и приехала именно оттуда. Она была очень одарена интеллектуально. Поверьте, это так, я бы просто не стал встречаться с девушкой, с которой мне неинтересно беседовать. Я вам попытаюсь объяснить! – воскликнул он и даже вскочил с дивана.

Я заметила, что в глазах его возникло возбуждение.

«А мальчик все же импульсивен, – отметила я про себя. – Интересно, до какой степени проявляется в нем это качество?»

– Ну, вы понимаете, у родителей денег много, да? – кивком ответил он за меня на свое утверждение.

– Ну, наверное, – вставила я, а Виталик продолжал:

– Сразу могу сказать – я с раннего детства ни в чем не нуждался. Отказа в средствах не знал. Позволить мог себе многое, хотя особо не наглел. Я вообще домосед по натуре, меня шумные компании не привлекают. Но, тем не менее, побывал, конечно, во многих местах. И алкоголь, конечно, пробовал, и сигареты...

– А наркотики? – осторожно спросила я.

– Траву курил пару раз, – признался Черкасов. – Но это давно было, еще на втором курсе. Но сразу бросил.

– Что? Не понравилось? – усмехнулась я.

– Наоборот, – признался Черкасов. – Понравилось, потому и бросил.

Я высоко подняла брови.

– Испугался, что смогу подсесть, – пояснил он. – А там и до синтетики недалеко. Сколько наших из универа ушли из-за того, что всего лишь пару лет назад начали «герой» баловаться. А начиналось все так невинно!

– Надо же, какой ты прагматик! – удивленно констатировала я. – И сила воли у тебя, оказывается, есть...

– Это из-за маменьки у вас сложилось обо мне мнение, как о хлюпике, – криво ухмыльнулся Черкасов, и я вдруг отметила в его тоне явное неуважение к матери.

Нет, он не высказывался оскорбительно в ее адрес, он вообще не стал давать ей никаких характеристик, но я безошибочно поняла: Виталик Черкасов не уважал свою мать, для которой он сам был, кажется, центром Вселенной...

– Ты хотел рассказать о своем отношении к Марианне, – напомнила я.

– Да! – подхватил Черкасов. – Понимаете, она была не такая, как другие девушки. Она была... Настоящая! Марианна не была подвержена никаким стереотипам. Ну, как обычно проводят свободное время большинство современных девушек? Дискотеки, ночные клубы, бары... В качестве подарков, естественно, они предпочитают драгоценности, косметику, новый телефон. Ноутбук, шубу – куда же без нее! – или даже машину, смотря по финансо-

вому состоянию кавалера. А знаете, что Марианна попросила меня ей купить, когда я пригласил ее в бар?

– Что же? – заинтересовалась я.

– Килограмм черешни! – улыбнулся Виталик, и в глазах его появилось ностальгическое выражение. – Как раз стоял июль, мы катили по городу, мимо рынка проезжали, а там черешня – крупная такая, спелая, почти черная. Так вот, в бар Марианна, кстати, пойти отказалась, а вот на черешню набросилась с удовольствием. Я ее понимал: в детдоме она такого, конечно, не видела.

– И что? Ей совершенно были неинтересны развлекательные заведения города? – недоверчиво спросила я. – Ты же говорил, что ей хотелось все попробовать!

– Да, но не в том смысле. Попробовать – значит, посмотреть и оценить. Мы ходили с ней и в бар, и в ночной клуб, но после первого же посещения Марианна составляла свое представление об этих заведениях и больше идти туда не хотела. Понимаете? Увидела – не понравилось – «больше не пойду». Я говорю, она не была порочной.

– Да никто ее в этом и не обвиняет, – пожала я плечами.

– Мама могла наговорить вам что угодно, – буркнул Виталик. – Я знаю, что они с отцом не любили Марианну. Они хотели, чтобы я нашел девушку своего круга, – последние слова он произнес с манерно-чопорными интонациями, явно передразнивая родителей. – А девушки моего круга – все, как одна, похожи друг на друга, – заключил он своим обычным голосом. – А Марианна не боялась быть непохожей на кого-то.

– Над ней не посмеивались? Не называли старомодной?

– Пробовали, – неожиданно рассмеялся Виталик. – В медучилище одноклассницы какие-то начали к ней прикалываться, а она их так отметелила! Сумкой медицинской.

– Вот как? Боевая девушка, однако! – покачала я головой.

– Еще какая! – восхищенно проговорил Виталик. – Она себя в обиду не давала, всегда могла постоять за себя!

«Ну, понятно, детдомовское детство не прошло для нее даром, – отметила я про себя. – Не могло ли оно вылиться в склонность любые разногласия решать через драку? А это чревато... Всегда найдется тот, кто сильнее тебя. Не физически, так по уму...»

Вслух же я спросила:

– У вас были близкие отношения? Извини, что спрашиваю, мне это нужно.

Виталик искоса посмотрел на меня и усмехнулся, отвернувшись к окну.

– Да, были, – наконец произнес он. – Совсем недавно...

– В смысле? – осторожно уточнила я.

– Марианна долго не хотела. Я сперва настаивал, потом просто ждал. Понял, что если я напролом пойду, она меня совсем отошьет.

– Или сумкой отметелит, – улыбнулась я.

– Нет, что вы, она со мной была нежной, – вздохнул Виталик, и в голосе его зазвучали грустные нотки.

– Ладно, с лирикой мы определились, теперь давай перейдем к сухим фактам, – постаралась я своим тоном настроить его на деловой лад. – По факту смерти Марианны ты что-нибудь знаешь?

– Ее отравили, – как-то растерянно произнес Черкасов.

– Это я уже поняла, – махнула я рукой. – Где, когда? Точная дата, время смерти...

– Это произошло девятнадцатого июня, – ответил Виталик. – Сразу после обеда. У Марианны закончились занятия, и она пошла к одному своему знакомому. Он врачом на «Скорой» работает, она собиралась у него капельницу взять. Они как раз учились системы ставить, она хотела потренироваться.

– На ком? – подняла я бровь.

– Ну, можно было и на мне, – пожал он плечами. – Я не возражал. Витаминчики покапать – всегда полезно.

– Фамилия этого врача? И откуда она его знает?

– Она с ним на практике познакомилась. Фамилия его Лебедев, зовут Анатолий. Я его видел пару раз, Марианна забежала к нему то за тонометром, то за лекарствами какими-то.

– Ну и как он тебе?

– Нормальный мужик, – снова пожал плечами Черкасов. – Спокойный.

– А ты не ревновал к нему Марианну? Не боялся, что она периодически к нему «забегает»? – прищурилась я.

– Нет, что вы! – Виталик посмотрел на меня с таким удивлением, словно я сморозила несусветную глупость. – Он ведь старый уже! Ему под сорок!

«Да уж, – с досадой подумала я. – Просто совсем глубокий старик!»

И невольно я позавидовала юности Черкасова, его возрасту, когда все, кто старше двадцати пяти, кажутся тебе пожилыми людьми.

– Ты с ним беседовал после смерти Марианны?

– Нет, я не подумал как-то... Мне не до того было, – смутился Виталик.

Видимо, мысль побеседовать с главным свидетелем совершенно не приходила ему в голову. Что ж, это понятно, если ты не собираешься лично заниматься расследованием убийства. Но по-человечески-то... неужели ему не было интересно?

– Но я читал его показания, – немного порадовал меня Виталик. – К нам из милиции приходили, я их попросил... Так вот, там сказано, что Марианна пробыла у него совсем немного, всего пару минут. Даже в квартиру не проходила. Взяла капельницу, они перебрелись парой фраз с Лебедевым, и она уже собралась уходить. Вышла из квартиры и почувствовала себя плохо. Лебедев сказал, что она схватилась за сердце и стала оседать на пол, прямо на лестнице. Он ее подхватил, хотел занести в квартиру и тут понял, что она уже умерла. Он тут же вызвал «Скорую» и милицию. Те констатировали смерть.

– А самого Лебедева не задержали по подозрению? – удивилась я. – Он же первая кандидатура!

– Задержали, – кивнул Черкасов. – Но потом выпустили.

– Почему?

– Вот этого я не знаю, – покачал он головой. – У нас милиция еще до его задержания побывала.

– Ты после этого и решил к частному детективу обратиться?

– Ну да, – подтвердил он. – А что делать, раз милиция не может убийцу найти? Лебедева выпустили, а никого другого не арестовали.

– А ты сам как считаешь? Лебедев не может быть виновником смерти Марианны?

– Думаю, нет. Зачем это ему? Они и общались-то чисто по делам. По мелким, профессиональным.

«Ой ли? – подумала я. – Это еще нужно выяснить. Пока что я вижу только одну сторону медали, очевидную для Виталика. И насчет этого Лебедева надо мне поинтересоваться в милиции как можно скорее. Интересно, кто ведет это дело? Хорошо бы, кто-то из своих».

– Адрес Лебедева тебе известен? – спросила я.

– Точно не знаю, но показать могу. Мы как-то заходили к нему вместе с Марианной. Это возле Липок, такой сталинский дом с монументальными подъездами, знаете?

– Знаю, конечно, – кивнула я.

– Третий этаж, дверь направо. Металлическая.

– Хорошо, – я записала данные в блокнот. – Марианна приехала из Пензы?

– Да, из Пензы. Год тому назад.

– Номер детского дома, в котором она воспитывалась?

– Восемь, – на мое удивление, сразу ответил Черкасов.

– Фамилия девушки?

– Новожилова. Марианна Викторовна.

– Фотографии ее у тебя есть?

– Да, конечно, – Черкасов с готовностью подошел к угловому компьютерному столу, пощелкал по клавиатуре и открыл папку с фотографиями.

Марианна была действительно красивой девушкой: чуть выше среднего роста, длинные черные волосы, карие с зеленою глаза, отличная спортивная фигура... Выглядела она действительно броско, заметно. И одежда ее была яркой, но небезвкусной. Модная обувь, разные по цвету и моделям сумки... Я внимательно рассмотрела девушку на всех снимках и повернулась к Виталику:

– Откуда у нее деньги на фитнес? Она работала?

– Нет, только подрабатывала Ну, уколы, там, делала на дому и все такое.

– Так откуда деньги? Ты ей давал?

– Нет. Хотя я старался помогать ей по мере сил – мне это несложно. Но Марианна умела распоряжаться средствами. Она не была транжирой.

– И все же? Со стипендии медучилища не будешь менять сумки под каждый наряд, – кивнула я на фотографии. – Да и фитнес стоит недешево. А ведь ей еще и питаться нужно было. Родителей у нее нет, помочь некому. Ты много давал ей денег?

– Нет, немного. Но ей что-то полагалось от государства, кажется, как выпускнице детского дома. Я не знаю, сколько конкретно ей платили, никогда не интересовался этим. Но Марианна не жила впроголодь. К тому же в Пензе она продала квартиру.

– Квартиру продала? – изумилась я. – Это уже интересно!

– Ну да. Им же по окончании детского дома выделяют жилье. Марианне досталась однокомнатная квартира. Но она не хотела жить в Пензе, продала квартиру и приехала в Тарасов.

– Однако здесь она жилье не приобрела? Правильно я понимаю? – задумчиво спросила я.

– Не приобрела. Ей же дали комнату от общежития – зачем покупать? Это она так рассуждала.

– А деньги от продажи квартиры непонятно где... – протянула я и, повернувшись, прямо обратилась к Виталику: – Тебе что-нибудь известно про эти деньги?

– Ну, знаете! – возмущенно вскинул он голову. – За кого вы меня принимаете? Чтобы я задавал ей такие вопросы!

– Да не кипятись ты, – поморщилась я. – Кипяток прямо такой крутой! А принимаю я тебя за человека, который был близок этой девушке! Может быть, ближе всех, поскольку больше никого в этом городе у нее не было. И я думаю, что она должна была именно с тобой делиться своими планами. Или я ошибаюсь?

– Нет, все так, – сбавив тон, кивнул Виталик со вздохом. – Но об этих деньгах мы действительно никогда не говорили. Меня они не интересовали, а Марианна... Я вам уже говорил, что она была практичной девушкой. У меня не было сомнений, что она правильно распорядится этими средствами. В банк положит, к примеру.

– Но ведь она сирота! Наверняка она была неопытна в таких вопросах. Ее вполне могли обмануть какие-нибудь мошенники.

– Не знаю, не знаю, – повторил Черкасов. – Мы это не обсуждали.

«Ладно, сама выясню, то есть постараюсь выяснить это в милиции. Может, они уже успели что-то раскопать? Интересно, где эти деньги и кому они теперь достанутся? Понятно, что завещания у девятнадцатилетней девчонки скорее всего никакого и не было... Кому в таком возрасте придет в голову составлять завещание? Но чем черт не шутит? В общем,

нужно все это уточнить. Виталик, конечно, оказался полезнее, чем его мама, но все же информации маловато. Нужно ехать в милицию и к Лебедеву. А также в училище и в общежитие. А потом, если понадобится, и в Пензу смотаться. И все это следует начать завтра, прямо с утра».

Разговор с Виталиком, пожалуй, пора было заканчивать. У меня осталось всего несколько вопросов, после чего я собиралась попрощаться с ним, но тут послышался стук в дверь, затем она мгновенно отворилась, и на пороге появилась Альбина Юрьевна. Было совершенно очевидно, что постучалась она чисто для проформы.

– Я прошу прощения, что задержалась с угощением, – начала она, внимательно оглядывая лицо своего сына. – Сергей Николаевич приехал с работы, мы разговаривали... Татьяна Александровна, милости прошу поужинать с нами. Мы как раз садимся за стол. Виталик, и ты... идемте.

Виталик вопросительно посмотрел на меня. Я хотела было отказаться, но потом подумала, что за столом смогу пообщаться с Черкасовым-старшим, чтобы «определиться» со всем их семейством за один вечер.

– Хорошо, спасибо, – я поднялась и пошла вслед за Альбиной Юрьевой, которая спускалась впереди меня, цокая по ступенькам подметками своих домашних туфелек леопардовой расцветки, на небольшом каблучке.

Сергей Николаевич уже восседал в просторной гостиной за столом. Это был мужчина лет сорока семи, невысокий, с не очень выразительной внешностью, чуть лысоватый, в очках с тонкой золотистой оправой. Одет он был в стандартный, хотя и хорошо сшитый, серый костюм. Сергей Николаевич, нахмурившись, читал газету. Увидев всю нашу компанию, он отложил ее, протер очки салфеткой и пристально посмотрел на меня водянистыми серыми глазами. Я отметила, что Виталик своей миловидностью и смазливостью явно пошел в мать. Черты лица его отца были гораздо более простыми и блеклыми.

«Такой тип внешности хорошо бы подошел для наружки, – невольно подумала я, подавляя улыбку. – Пройдешь мимо – и не заметишь!»

– Сережа, это и есть Татьяна Александровна, она уже взялась за работу. Сразу видно настоящего профессионала, недаром Витя ее так хвалил! – чрезмерно бодрым и оптимистичным голосом заговорила Альбина Юрьевна, легонько подталкивая меня к столу.

– Добрый вечер, – скучным голосом проговорил Черкасов. На лице его не отразилось никаких эмоций.

Мы сели за стол, и появившаяся домработница разлила по тарелкам суп с фрикадельками.

– У нас всегда поздний обед, – с извиняющейся улыбкой проговорила Альбина Юрьевна. – Это все из-за Сережиной службы. Он так много работает! И мы все из-за этого страдаем. Я просто плакать готова!

«Посмотрела бы я, как бы ты запричитала, если бы он лишился своей службы! Навзрыд бы зарыдала!» – неожиданно со злым сарказмом подумала я: Альбина Юрьевна начала меня раздражать своей чрезмерной эмоциональностью, всеми этими «ахами» и «охами».

– Очень вкусно, – вежливо откликнулась я, попробовав суп.

– Виктор Павлович говорил, что обычно вы тратите на расследование дня три-четыре, это так? – спросил вдруг Сергей Николаевич, не отрываясь от еды.

Виталик бросил на него быстрый взгляд.

– По-разному бывает, – уклончиво ответила я. – Но это редко занимает больше недели.

Черкасов ничего не ответил, лишь неопределенно кивнул. Во взгляде Виталика я уловила настороженность. Наверное, он испугался, что отец может поставить какие-то условия, ограничивающие мои действия, и это заставит меня отказаться от расследования. Но Черкасов-старший больше ничего не сказал на эту тему.

После обеда нам подали кофе с мороженым – натуральный, крепкий, горячий – отличный десерт! Покончив с ним первым, Сергей Николаевич поднялся и, бросив жене: «Я в кабинет», хотел было покинуть гостиную, но я окликнула его:

– Сергей Николаевич, можно задать вам пару вопросов?

Черкасов застыл на месте, после чего произнес:

– Да, разумеется. Спрашивайте.

– Наедине, – уточнила я.

Его раздумье длилось буквально полсекунды:

– Хорошо, после десерта загляните ко мне.

По тому, как нахмурились тоненькие выщипанные брови Альбины Юрьевны, я сделал вывод, что ей не очень-то приятен такой поворот событий и она не совсем довольна моим поведением. Но вот тем ли, что я останусь с ее мужем наедине, или же тем, что я осмелилась потревожить его после тяжелого трудового дня, – этого я так и не смогла определить.

Не отказавшись от второй чашки – уж очень вкусным был кофе, нечасто встретишь подобный, будучи у кого-то в гостях, – я решила закончить беседу с Виталиком.

– С кем Марианна общалась в училище и в общежитии? Ты знаешь какие-нибудь имена?

– У нее не было близких подруг, – сразу же ответил он. – Так, приятельницы. В комнате она жила с девушкой по имени Наташа. Я видел ее несколько раз, когда мы заходили к Марианне.

– Ты бывал у нее в общежитии? – удивленно спросила Альбина Юрьевна, застыв с чашкой в руке, и уголки ее губ поползли вниз.

Виталик не удостоил мать ответом и снова заговорил со мной:

– А в училище она со всеми общалась одинаково дружелюбно.

– За исключением тех девушек, которых она отметила сумкой, – напомнила я ему.

При этих словах Альбина Юрьевна аж подскочила на стуле.

– Марианна дралась?! – с ужасом, показавшимся мне несколько преувеличенным, даже притворным, спросила она у сына.

Виталик проигнорировал вопрос матери, сморщившись при этом, однако, словно съел кислую дольку лимона. Альбину Юрьевну подобная реакция явно не удовлетворила.

– Виталик! – повысила она голос. – Что, Марианна была такой хулиганкой?

Виталик резко повернулся к матери. Несколько секунд он смотрел ей прямо в глаза, причем взгляд у него был таким, что у меня даже мурашки пробежали по спине. Затем он медленно приблизил свое лицо почти вплотную к лицу матери и тяжело выдохнул:

– Нет!

Альбина Юрьевна, не ожидавшая подобного, отшатнулась и уже с неподдельным ужасом уставилась на сына. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Мама, – наконец глухо, но твердо произнес Виталик. – Я тебя очень прошу, никогда – ты слышишь, никогда! – не касайся имени Марианны и всего, что с ней связано! – Затем он повернулся ко мне и совершенно спокойно произнес: – Одну из ее знакомых девушек звали Катя Переверзева. Вторую я по имени не знаю, но, думаю, это можно выяснить в училище. Вы собираетесь туда поехать?

– Да, причем завтра.

– А еще куда? – поинтересовался Виталик.

Я улыбнулась.

– В разные места, – ответила уклончиво. – Ты уж за меня не беспокойся, я знаю, что делать.

– Просто Виталик переживает за исход расследования, – не упустила возможности вставить свой комментарий Альбина Юрьевна.

– Расслабься, – бросила я ему, стараясь не обращать внимания на мамашу. – У меня еще не бывало нераскрытых дел. Спасибо за обед, я еще совсем немного у вас задержусь. Где кабинет вашего мужа?

Альбина Юрьевна, разумеется, поднялась и лично пошла меня провожать. Введя меня в кабинет, она – словно бы невзначай – хотела остаться там, но Сергей Николаевич смерил ее молчаливым, но красноречивым взглядом, и супруга нехотя удалилась.

Кабинет хозяина дома был оборудован без помпы, очень функционально. За время пребывания в одиночестве Сергей Николаевич успел снять пиджак и остался в светло-сиреневой рубашке с короткими рукавами и в брюках. Он сидел за письменным столом перед включенным компьютером. Однако я заметила, что никаких важных данных на экране не высвечивалось: там красовалась раскладка старого доброго пасьянса.

Черкасов предложил мне сесть и молча смотрел на меня, не задавая никаких вопросов и, видимо, предоставив мне эту прерогативу.

– Вы общались с милицией? Они делились с вами версиями о произошедшем? – сразу же перешла я к делу.

– Версиями не делились. Потому что, как я думаю, у них и самих их нет, – усмехнулся Черкасов. – Правда, мне пообещали, что этим делом займется лично начальник убойного отдела.

– Вы хорошо знали Марианну?

– Постольку-поскольку, – ответил Сергей Николаевич. – Сами видите, во сколько я домой приезжаю. Да и они, молодежь, в смысле, не очень-то стремились сидеть в нашей компании, как вы понимаете. Но за столом мы общались, конечно.

– Альбина Юрьевна призналась, что ей не очень нравился выбор сына, – осторожно бросила я, внимательно следя за реакцией Черкасова.

– Альбине не понравился бы любой выбор Виталика, – засмеялся Сергей Николаевич. – Увы, из нее выйдет ужасная свекровь. Можно только посочувствовать нашей будущей невестке.

– Откровенно, – склонила я набок голову, с легкой улыбкой оценив этот ответ.

– Объективно, – пожал плечами Черкасов. – Когда Виталику было всего три года, Альбина призналась, что уже заранее ненавидит его будущую жену.

– Вот даже как? – удивилась я.

– В общем-то, ничего странного. Женщин такого типа много.

– Вы заговорили об отношениях невестка-свекровь. У Виталика были такие планы – жениться?

– Если и были, то он с нами не делился. Но нет, думаю, вряд ли. Не в ближайшем будущем. Ему же нужно закончить университет. Да и Марианна училась. Да и вообще, сейчас многие молодые люди не спешат скрепить свой союз брачными узами. Что ж, это вполне объяснимо: они же и так все имеют! Зачем им эти сложности? Хотя в натуре Виталика, надо отметить, романтизм присутствует.

– А вы были бы против этого брака? – прямо спросила я.

– Да, – столь же прямо ответил Черкасов, не отводя глаз.

– Почему? Вас смущало материальное положение Марианны?

– Нисколько, – покачал он головой. – Я бы обеспечил Виталика и его молодую жену всем необходимым. Татьяна Александровна, неужели вы думаете, что я рассчитывал бы на то, что моего сына будет содержать жена или ее родители? Уж наверное я вполне в состоянии позаботиться о его будущем. И о многом я уже позаботился. Меня в большей степени волновала наследственность невесты. Вы ведь в курсе, что она – детдомовская?

– Да, – подтвердила я.

– Ну вот, это все и объясняет. Кто были ее родители? Неизвестно! Может быть, это какие-то алкоголики, наркоманы, убийцы или вообще психически нездоровые люди? А от этого, извините, зависит здоровье моих внуков! И я не мог легкомысленно отнестись к этому вопросу.

– Так вы запрещали эти отношения?

– Разве можно что-то запретить взрослому сыну? Нет, в принципе, можно, конечно. Можно пригрозить, лишить финансирования или чего-то еще... Но я не думаю, что это – лучший выход.

– Но вы говорили с сыном на эту тему?

– Говорил. Но каждый из нас, что называется, остался при своем.

– И что же вы еще предприняли?

– Ничего, – с легким удивлением пожал плечами Черкасов. – Я просто решил запастись терпением, практически будучи уверен, что со временем все само пройдет. Виталик пресытился бы романтикой и ему бы стали в тягость эти отношения. Все-таки, какой бы милой ни была эта девушка, детдомовское воспитание в ней чувствовалось. Это только в сказках люди с разным социальным положением живут долго и счастливо. В реальности милому принцу добрейшая бессловесная Золушка осточертела бы уже через пару месяцев.

– Давайте все-таки оставим сказки в стороне, – улыбнулась я. – Значит, вы не требовали, чтобы Виталик разорвал отношения с Марианной, хотя и были против?

– Нет. Он бы все равно их не разорвал на этом этапе.

– И тем не менее именно вы нанимаете частного детектива, чтобы расследовать обстоятельства смерти Марианны?

– Поймите меня правильно, Татьяна Александровна. Для меня важнее всего, чтобы вся эта история поскорее закончилась. И ради этого я готов пойти на такую мелкую жертву. Мне проще заплатить частному детективу, чем потерять доверительные отношения с сыном.

И он с легкой насмешкой посмотрел на меня.

– Что ж, вы мудрый человек, – кивнула я. – Значит, вас не очень-то волнуют результаты расследования, лишь бы они прояснились как можно скорее?

– Можно сказать и так, – согласился Черкасов. – Хотя это звучит, наверное, несколько цинично. Но я хочу, чтобы Виталик получил то, что ему сейчас и нужно, чтобы эта история не затянулась надолго и не мешала ему жить дальше. А в том, что он быстро успокоится, я не сомневаюсь. И девушек таких, как Марианна, в его жизни будет еще не одна. Что же касается фактов по этому делу, то, думаю, вам лучше поинтересоваться всем этим в милиции. Да и друзья Марианны могут рассказать о ней куда больше, чем я. Надеюсь, я прояснил свою позицию?

– Да, вполне, – кивнула я, поднимаясь. – Что ж, Сергей Николаевич, спасибо за беседу. Если вам понадобится узнать, как продвигается расследование, можете мне звонить.

Черкасов кивнул и углубился в экран.

Не успела я покинуть его кабинет, как буквально сразу же, словно бы из-под земли, нарисовалась Альбина Юрьевна. Во взгляде ее угадывалось любопытство, которое она не могла скрыть, ей хотелось выяснить, как пришла моя беседа с ее мужем. Отделяясь от мадам общими фразами, я прошла в прихожую, быстренько обулась и, попрощавшись с хозяйкой и с выглядывавшим из-за ее плеча Виталиком, поспешила на выход.

– Шофер ждет внизу, – сказала Альбина Юрьевна. – Он вас отвезет.

Что-то неуловимое послышалось мне в ее голосе, нечто, показавшееся мне странным, но я так и не поняла, что это было.

До дома меня доставили очень быстро, однако когда я поднялась в квартиру, то обнаружила, что уже половина двенадцатого ночи. Но, поскольку материала для анализа у меня пока что было маловато, а усталость после недельного пребывания на Волге давала о себе

знать, я не стала ничем «грузиться», а просто расстелила постель и улеглась спать, оставив все дела до завтра.

Глава вторая

Утро началось с того, что я проснулась от громкого хлопка. Невольно резко выпрямившись на постели, я обнаружила, что поднялся сильный ветер, и от его порыва в комнате захлопнулось окно. Я слезла с постели и подошла к балкону. Деревья сильно гнулись из стороны в сторону, небо затянули фиолетовые тучи, а на термометре значилось плюс двадцать два градуса.

«Что ж, видимо, к нам пришел атлантический циклон, – подумала я. – Вовремя я успела отдохнуть и позагорать!»

Собственно, такая смена погоды мне лично даже на пользу: что ни говори, а в жару работаете хуже. Пусть лучше будет прохладно и пасмурно, пусть даже пойдет дождь – для расследования это более приемлемые условия, нежели африканский зной.

Когда я пила кофе после завтрака, капли дождя уже стучали по карнизу. Но меня это не смущало, я готова была отправиться туда, куда потребуется. И все же прежде мне хотелось пообщаться с милицией и посмотреть материалы по факту смерти Марианны Новожиловой, чтобы поточнее определиться с дальнейшим пунктом расследования.

Вспомнив, как Сергей Николаевич говорил о том, что дело находится на контроле у начальника убийного отдела, я набрала рабочий номер подполковника Мельникова, своего старого друга, возглавлявшего данный отдел Кировского УВД.

Андрей Мельников получил подполковничьи погоны не так давно, примерно года полтора-два тому назад. Однако это дало ему повод заважничать, приобрести вальяжные повадки и командный голос. Правда, это в основном отражалось на его подчиненных, а не на мне. Со мною, знавшей Андрея со времен его сержантской юности, он старался вести себя по-прежнему. Если же Мельников изредка забывался, принимаясь при мне важно раздувать щеки и гордо вскидывать голову, я всегда возвращала его на землю, колко напоминая приятелю, сколько дел, по сути, я раскрыла за него.

Работать параллельно с Мельниковым мне приходилось часто, и практически всегда решающая версия оставалась за мной. Мельникову, который, по сути, был очень неплохим оперативником, на мой взгляд, добиваться блестящих результатов мешало его стремление следовать стандартными путями. Он не любил неожиданных версий, поскольку они могли оказаться опасными. Опасными в глазах его начальства, стараясь избежать гнева которого Мельников и клепал привычные и шаблонные версии. Правда, мне все же удавалось сбить его с этого несправедного пути своей неумолимой жаждой докопаться до истины. Мельников кряхтел, чесал «репу», потом махал рукой и соглашался «попробовать». И уж потом, когда предложенный мною вариант оправдывался на все сто процентов, он признавал, что я была права, и даже благодарил меня.

Правда, по прошествии энного количества времени Андрей Александрович начинал забываться и говорил, что это изначально была именно его идея. Причем выдавал он эти реплики с такой искренностью, что я только рот открывала от изумления.

Но, к счастью, другом Мельников был хорошим, в помощи никогда мне не отказывал, а если и выпендривался порою, то в основном для вида, чтобы подчеркнуть собственную значимость. Поэтому и сейчас я не колеблясь обратилась к нему. И тон намеренно выбрала непринужденный.

- Здорово, Андрюха, – весело начала я, едва услышав в трубке баритон Мельникова.
- А, это ты, Иванова, – с каким-то разочарованием протянул подполковник.
- А ты на что рассчитывал? – насмешливо спросила я.
- Ни на что хорошее! – отрезал Андрей и вздохнул.

– Что за пессимистическое настроение? – удивилась я. – С каких пор ты стал мрачным мизантропом?

– Станешь тут, – буркнул Мельников. – У меня отпуск через неделю.

– Так это же хорошо. Чем ты недоволен?

– А ты в окно смотрела? Там ливень хлещет!

Струйки дождя за окном и впрямь встали водяной стеной.

– Ну и что? За неделю все сто раз может измениться!

– А может и не измениться! – упрямо стоял на своем подполковник. – Черт, ну почему мне так не везет? Главное, все сотрудники уже отгуляли, пока жара стояла, а я здесь мучился! Теперь, когда моя очередь подошла, – все наоборот! Даже Арсентьеву повезло, а он у нас главный неудачник!

– Да хватит тебе причитать, как старая бабка! К тому же ты наверняка не собирался в городе сидеть? А там, куда ты отправишься, климат совсем другой.

– Я, Иванова, в отличие от тебя, на госслужбе состою! У меня нет средств, чтобы по Египтам разъезжать! – раздраженно отозвался Мельников.

– Зависть, Андрюшенька, – плохое чувство, – попеняла я старому приятелю. – К тому же в Египте сейчас, прямо скажем, тоже не очень хорошо. Там невыносимая жара стоит. Туда лучше в октябре ехать. И не прибедряйся ты так, я же знаю, что ты вполне можешь себе позволить поездку за границу. В Египет уж, во всяком случае. И вообще, давай лучше к делу перейдем.

– Давай, – неохотно согласился Мельников, который в последнее время очень полюбил жаловаться на судьбу на пустом месте. – Что за дело-то?

– Марианна Новожилова, – коротко ответила я.

– А-а-а, – протянул Мельников. – А ты-то тут при чем?

– А меня наняла семья Черкасовых, – сказала я. – Знаешь таких?

– А то! – ухмыльнулся Мельников. – Значит, они тебя наняли? Вот же неугомонная семейка! Мало того, что нас тут всех на уши поставили, мне сорок раз звонили, так им еще и частного детектива подавай! А меня начальство и так каждый день за эту Марианну дрючит!

– Что, Черкасов лично тебе названивал сорок раз? – удивилась я.

– Он-то нет, а вот женушка его... Достала просто!

«Узнаю Альбину Юрьевну», – мысленно усмехнулась я и спросила:

– Материалы-то можно посмотреть? Заодно, может, и соображениями своими со мной поделишься? Раз уж мы снова делаем одно дело.

– Приезжай, приезжай! – сказал Мельников. – Тебе же ливень – не помеха!

– Я работаю добросовестно, Мельников, – напомнила я ему.

«А не пузо отращиваю», – добавила про себя, но вслух, конечно, я говорить этого не стала, дабы не портить и без того нерадужное настроение давнего приятеля. Мельников, который порою бывал обидчивым как ребенок, сейчас мог вообще надуться, как мышь на крупу, и просто отказаться общаться. А это мне совсем не было на руку. Поэтому я быстро свернула беседу и пошла одеваться.

Облачившись в брюки и легкую ветровку и надев непромокаемые кроссовки, я двинулась на улицу. Дождь всего за несколько минут напрудил огромные пузыристые лужи и потоки ручьев. Перепрыгивая через них, я пробралась до своей машины. В РУВД я была минут через пятнадцать.

Мельников сидел в своем кабинете и цедил зеленый чай с жасмином.

– Хочешь? – предложил он. – Кофе закончился.

– Нет, спасибо, – отказалась я, усаживаясь напротив него.

– Зря. Моя жена вычитала, что зеленый чай прекрасно очищает почки и печень.

– У меня с этими органами все в порядке, – улыбнулась я. – Да и с остальными тоже.

– Это пока, – язвительно проговорил Мельников.

– С тобой невероятно приятно общаться! – восхитилась я. – Ты так потрясающе мил и любезен!

– Ладно, ладно, – махнул рукой Мельников, небрежно придвигая ко мне папку с «Делом номер такой-то». – Вот тебе материалы, вникай.

Первой страницей дела был протокол осмотра места происшествия – которое являлось квартирой некоего Анатолия Дмитриевича Лебедева. К протоколу присовокуплялись показания самого Лебедева и соседей, а также заключение судебно-медицинского эксперта о смерти Марианны Викторовны Новожиловой. Из него мне стало известно, что смерть девушки наступила в тринадцать часов тридцать две минуты девятнадцатого июня. Причиной смерти явилось отравление пропанололом, дозировка составляла около трех граммов. Далее шло описание этого препарата, испещренное специальными фармакологическими терминами, не очень мне понятными. Главное, что я для себя уяснила, это то, что для кончины здорового взрослого человека достаточно введения двух граммов этого вещества. Однако внятного описания действия этого препарата я так и не обнаружила. Прочла фамилию судмедэксперта и увидела, что она мне незнакома.

Прочитав результаты вскрытия, я убедилась, что ни алкоголя, ни наркосодержащих веществ в организме девушки не обнаружили. Она также не была беременной или больной.

– Ну что, Мельников, – подняла я глаза на подполковника, изучив материалы. – На самоубийство такое не спишешь, а?

– Похоже, нет, – досадливо засопел Мельников. – Разве что на несчастный случай?.. – с надеждой посмотрел он на меня.

– Не обольщайся, – разочаровала я его. – Сам понимаешь, что это убийство. Так что придется тебе расстараться, чтобы найти виновного и отвязаться от въедливой семейки Черкасовых.

– А ты думаешь, им настоящий преступник нужен? – хмыкнул Мельников. – Нет, Таня, им нужна удобная и правдоподобная версия. Чтобы они могли скормить ее своему сыночку, дабы дитяtko успокоилось.

– То есть в унисон и твоим желаниям, – с улыбкой кивнула я.

– Напрасно иронизируешь, Иванова, – неодобрительно вздохнул Мельников. – Ты же знаешь, что я всегда за правду. Но я лицо подневольное, а начальство требует раскрывать дела в кратчайшие сроки. А эта Новожилова и так уже зависла!

– У тебя есть версии?

Мельников почесал в затылке.

– Скорее всего это кто-то из студентов, – высказал он предположение.

– Почему? – удивилась я.

– Ну, во-первых, они медики, хоть и будущие. В ядах должны разбираться, да и доступ у них к ним может быть. Вот и приколотись...

– Ничего себе приколы! – присвистнула я. – Однокурснице яд подсунуть!

– Ну, они же молодые совсем! Знаешь, какая сейчас молодежь, Таня, безбашенная! Может, решили просто пошутить, посмотреть, что получится. Или что похуже... Не поделили что-то с этой Новожиловой. Захотели ей отомстить. Я так понял, она девчонка резкая была. К тому же красивая, я фото видел. Может, ей завидовали.

– «Может, может!» – передразнила я его. – Ты словно на воде гадаешь. На чем-то твои предположения основываются? Ты говорил с этими одноклассниками? Что, у них с Марианной были конфликты?

– Таких уж крупных не было. Но вот некоторые студенты Новожилову откровенно недолюбливали. И это заметно.

– Да, очень уж сильно нужно человека недолюбливать, чтобы решиться на убийство, – заметила я. – Она реально кому-нибудь мешала?

– Да кому она могла помешать! – с досадой проговорил Андрей. – Я сам всю голову сломал: сирота детдомовская, живет в комнатухе в общежитии! Кому могла быть выгодна ее смерть? Да никому! Вот и остается – выдвигать другие версии, нематериального характера. А если вообще все случайно случилось? Ну, напутали девчонки-студентки чего-то, подсушили ей в спешке не тот препарат, потом перепугались... Допустим, у нее голова болела?..

– Я все-таки не думаю, что у простых студентов имеются яды в полном и бесконтрольном их распоряжении, – недоверчиво покачала я головой. – К тому же ты полагаешь, что студенты их хранят вперемешку с лекарственными препаратами?

Мельников только вздохнул, и я поняла, что он и сам не знает, обработкой какой именно версии милиции следует заняться. Поскольку – Сергей Николаевич Черкасов был прав! – у Андрея и не было ни одной мало-мальски здоровой версии.

– А вот некий Анатолий Лебедев, – напомнила я. – Главный свидетель по этому делу, как я понимаю. Если не сказать подозреваемый... Его действительно отпустили? Он же вполне может быть виновен.

– Не может, – угрюмо ответил Мельников. – Алиби у него. Яд-то длительного действия, Таня, понимаешь? А Новожилова пробыла у Лебедева всего несколько минут. Мы проверяли: в час дня у нее закончились занятия, после чего она и зашла к приятелю. И к этому моменту яд в ее организме находился уже несколько часов. Так что Лебедев не при делах. А до этого она была только в училище. Я потому и думаю на этих медиков недоделанных!

– Дай-ка мне адрес Лебедева, – попросила я. – А то у меня только приблизительное описание.

– Ищи, он там есть, – Мельников кивнул на папку с «Делом». – Но вряд ли он что-то важное тебе скажет, мы его уже обработали.

– Ее комнату тщательно осматривали?

– Более чем.

– Никакого дневника, личных записей не нашли?

– Нет, – с нажимом выдохнул Мельников.

– А компьютер? Может быть, какие-то файлы?

– Не было у нее никакого компьютера! – поморщился Мельников. – Там и осматривать-то нечего: кровать, шкаф с тряпками-шляпками, учебники, тетради.

– А в тетрадях смотрели? – не отставала я. – Может, там какие-то записи есть?

– Нет там никаких записей, Иванова! – не выдержал подполковник. – Все просмотрели! Думаешь, что все менты тупые, одна ты умная?

– Ничего такого я не думаю, – примирительно сказала я.

– Значит, успокойся! Раз я говорю, что наши ребята все осмотрели, значит, так и есть.

– А детский дом? – спросила я.

– Что «детский дом»? – не понял Мельников.

– В детский дом вы ездили?

– Зачем? – удивился подполковник. – Она там уже год как не бывала! Да и потом, убили-то ее здесь! Никого в училище из выпускников этого детского дома нет, я проверял.

– Она продала в Пензе квартиру, ты знаешь об этом?

– Да, знаю.

– Ты не думал, где деньги от этой продажи? Их не нашли при осмотре ее комнаты?

– Нет, не нашли. Да я этим особо не заморачиваюсь! Может быть, она их давно потратить успела! Прошло-то уже больше года! А она молодая девка, красивая была, одеваться любила... Опять же, одна в большом городе. Кафе-рестораны, такси-клубы – вот денежки

потихоньку и утекли. Это с непривычки кажется, что их много, а как тратить начнешь – вот и нет их! Я по себе знаю.

– Ты что, тоже квартиру продал? – усмехнулась я.

Взгляд Мельникова ясно свидетельствовал о том, что избранный мною ироничный стиль общения он сегодня совершенно не одобряет.

– Хорошо, возможно, ты и прав, – задумчиво сказала я, отставив шутки в сторону. – Ладно, мне пора. Спасибо. Что ж, поможем друг другу, если что-то выясним. У тебя сейчас что в планах?

Мельников смерил меня таким мрачным взглядом, что я поняла риторичность своего вопроса.

– Что ж, гуд бай, – я поспешила попрощаться с зашедшим в тупик подполковником.

Выйдя из РУВД и попав под мощные струи лившего с крыши здания дождя, я быстро запрыгнула в машину и включила дворники. Погревшись несколько минут в салоне, я решила поехать в училище: было еще слишком рано для визита в общежитие. Студенты должны быть на занятиях, а Лебедев, наверное, на работе.

* * *

Старенькое темно-красное здание областного медицинского училища, именуемое с недавних пор колледжем, располагалось у берега Волги. Реку не было видно из его окон. Мне пришлось проехать мимо, сделав затем поворот к училищу. Над Волгой нависли тучи, опустился туман, река казалась вытекшим из огромного тюбика слоем густого клея.

Я остановила машину поближе к входу и, накинув капюшон ветровки, подбежала к тяжелой входной двери. Пройдя внутрь, я ощутила резкий запах медикаментов, кажется, впитавшийся за долгие годы существования учебного заведения в его стены.

Несмотря на современное название, по сути колледж оставался все тем же медицинским училищем, что и несколько лет тому назад. Мне доводилось бывать здесь неоднократно в процессе многочисленных расследований. Да, в помещении сделали хороший ремонт, поставили пластиковые окна, но все же здание оставалось тем же строением в духе уже позапрошлого столетия.

Сидевший на вахте охранник не задал мне никаких вопросов, не потребовал пропуска и вообще проявил поразительное равнодушие. Но это и к лучшему. Я не стала привлекать к себе внимания, просто подошла к расписанию занятий, висевшему на доске, на стене. Здесь я обнаружила, что у студентов уже началась летняя сессия и в училище проходят в основном консультации и подготовка к экзаменам и зачетам.

Номер группы, в которой училась Марианна Новожилова, я заранее выяснила у Виталика Черкасова и теперь искала его глазами в расписании. Вскоре я уже знала, что группа номер два первого курса занимается на втором этаже, в двадцать четвертой аудитории. А проводит консультацию некая Черновец Наталья Максимовна. И именно с ней я решила побеседовать в числе первых опрашиваемых.

Поднявшись по широкой лестнице с витыми чугунными перилами, я остановилась в коридоре и присела на подоконник, приготовившись к ожиданию. Это не заняло много времени: буквально минут через десять дверь аудитории открылась и, переговариваясь на ходу, в коридор повалили студенты. Точнее, студентки, я отметила явное преобладание представительниц слабого пола. Они были одеты в форменную одежду, но не одинаковую. На ком-то были ярко-зеленые брючные костюмчики, на ком-то голубые, некоторые были в привычных белых халатиках, но в основном коротеньких, без воротника и рукавов.

Я заглянула в аудиторию. Полноватая шатенка лет сорока пяти, с округлыми запястьями сильных рук, собирала книги в объемную сумку. Я постучала и, увидев ее удивленный взгляд, прошла в класс.

– Здравствуйте, я к вам по поводу Марианны Новожиловой, – начала я с улыбкой, не распространяясь о своем статусе. – Скажите, вы преподаете в группе, где она училась?

– Да, я их куратор, – ответила женщина.

– Наверняка с вами уже беседовали, – продолжая улыбаться, проговорила я. – Но мне бы хотелось кое-что уточнить, составить собственное представление. Я также занимаюсь расследованием смерти Марианны.

Я не боялась, что студенты разойдутся и я не сумею с ними поговорить: из того же расписания следовало, что после консультации перед экзаменом у них состоится практическое занятие на первом этаже. Так что я вполне все успевала.

– Ах, да-да, – женщина погрузилась, уголки губ ее опустились, и она понимающе закивала. – Присаживайтесь, – она показала мне на стул за первой партой. Я села на предложенное место, а она опустилась на свой преподавательский стул.

– Наталья Максимовна, – начала я, намеренно обращаясь к преподавательнице по имени-отчеству, дабы продемонстрировать свою осведомленность и завоевать ее доверие. – Давайте начнем с самого простого. Что вы можете сказать о Марианне?

Наталья Максимовна призадумалась.

– Хорошая студентка, настырная. Хотя она проучилась только один год, можно с уверенностью сказать, что у нее все получилось бы в медицине. Понимаете, многие отсеиваются именно после первого курса. Это люди, попавшие в медицину случайно. И, слава богу, у них хватает ума это понять и сменить место учебы.

– К сожалению, как показывает практика, не у всех, – со вздохом отметила я.

– Не у всех, – строго согласилась Наталья Максимовна. – Но ведь это не только к сфере медицины относится. Просто в других областях непрофессионализм не так явно бросается в глаза.

– Ладно, оставим это, – махнула я рукой. – Значит, Марианна не была в медицине случайным человеком?

– Нет. Конечно, особого дара я у нее не отмечала, но, во-первых, об этом и говорить пока рановато, во-вторых, не всем же быть гениями. Нужны нормальные, добротные специалисты. Главное – она ничего не боялась. Ни крови, ни гноя, ни инструментов. Знаете, некоторые от вида скальпеля в обморок падают, – усмехнулась Черновец. – А ее я даже в операционную хотела определить – для практических занятий. А операционная медсестра – это особая статья. Это вам не уколы ставить! Правда, потом все же я отправила ее на «Скорую». В операционную первокурснице все-таки рановато идти. Но думаю, что она после училища пошла бы в институт и стала врачом.

– Хирургом? – предположила я.

– Может быть, и хирургом. Но теперь, увы, этого никогда не будет.

И женщина тяжело вздохнула.

– Наталья Максимовна, опишите, пожалуйста, Марианну как человека. Какой она была, с кем дружила?

– В группе у нее не было близких подруг, – покачала головой преподавательница. – Она не очень-то сходилась с девочками.

– Почему? Из-за того, что была приезжей?

– Не думаю, что дело в этом. У нас много приезжих девушек. Дело в ее строптивости. И еще – она была воинственной. Держалась с превосходством.

– Претендовала на лидерство?

– Нет, скорее на независимость. Ей не нужны были подчиненные, она была сама по себе. А это тоже многим не нравилось.

– У нее бывали конфликты с одноклассниками?

– Крупных не было.

– Я слышала, что у нее возникла ссора с Катей Переверзевой, – и я воспроизвела рассказ Виталика.

Черновец поморщилась:

– Да, неприятная история. Кажется, они подрались. Катя что-то обидное сказала Марианне, насчет ее происхождения... Вы же, наверное, знаете, что она была сиротой, воспитывалась в детском доме?

Я молча кивнула.

– Ну так вот, а Катя как-то проехала насчет ее родителей. Марианна схватила сумку с инструментами и запустила в нее. Это произошло не в стенах училища, на улице, при этом не присутствовал никто из преподавателей, потому все и обошлось малой кровью. Девчонок вызывали в деканат, беседовали с ними, но обе стояли на своем: никакой драки не было, это все неудачная шутка. Ну, в конце концов, их оставили в покое.

– Простите, Наталья Максимовна, а откуда же это стало известно?

Черновец нахмурилась, но промолчала.

– Наталья Максимовна? – повторила я, настойчиво пытаясь заглянуть куратору в глаза. – Я жду. Ведь речь идет об убийстве вашей студентки...

– Я не думаю, что этот инцидент имеет какое-то отношение к ее смерти, – медленно произнесла Наталья Максимовна и повернулась ко мне. – Ну, хорошо, я вам скажу. Об этом нам сообщила одна из студенток.

– Фамилия, – коротко потребовала я, достав блокнот.

– Лена Зубанова, – сухо ответила преподаватель.

– А ей это зачем?

– Для порядка, – совсем отвернувшись от меня, сказала Наталья Максимовна.

– Местная стукачка? – усмехнулась я. – Что, и такое явление процветает в вашем училище?

– Ой, как вы неудачно выразились, – Наталья Максимовна скривилась. – Ничего подобного! Просто Лена – староста группы, она за все отвечает! Потом с нее же и спросят! А многие этого не понимают.

– Ясно, – кивнула я. – И когда же точно произошел этот эпизод?

– Весной. Кажется, в апреле – тепло уже было, девчонки в перерывах во двор выходили. Но вы зря на этом акцентируете внимание. Наши студенты не причастны к смерти Марианны, я в этом уверена.

– Ее отравили лекарственным препаратом, – подняв палец, заметила я. – Не забывайте, что у вас – медицинский колледж!

– Неужели вы думаете, что у нас студенты имеют свободный доступ ко всем лекарствам?! – изумилась Наталья Максимовна. – Они же не врачи, даже не медсестры, а всего лишь студенты!

– Но у них же бывают какие-то практические занятия, – предположила я.

– Занятия! – усмехнулась преподаватель. – Да они пока еще только бинтовать правильно учатся!

– А я выяснила, что они уже должны были учиться ставить системы, – заметила я.

– И вы думаете, им для этого выдают яды? – саркастически спросила Черновец. – Занятия проходят под строгим контролем преподавателя! Все препараты абсолютно безобидны. На руки студентам не выдают ничего! Все яды у нас хранятся в специальном сейфе, под

ключом, и он имеется только у руководителя группы. В противном случае они бы все уже от несчастной любви потравились, возраст-то, сами понимаете, какой!

– То есть у вас нет никаких версий – почему Марианна погибла?

– Абсолютно никаких, – покачала головой Наталья Максимовна. – Сама удивляюсь! У нее не было большого количества знакомых. Знаю лишь, что она встречалась с каким-то парнем, вроде бы он из обеспеченной семьи. Может быть, это его работа?

«Теоретически, все возможно, – подумала я про себя. – Но вообще-то непохоже».

– Да! – неожиданно оживилась Черновец. – Вы знаете, а ведь Марианной интересовался какой-то мужчина! Может быть, это он причастен к ее смерти? Или он что-то знает?

– Что за мужчина? – настала очередь оживиться уже и мне.

– Молодой, лет двадцати пяти, в темных очках... – принялась перечислять его приметы Наталья Максимовна. – Честно говоря, я его не очень хорошо запомнила, потому что тогда торопилась, а он сидел в машине...

– В машине? Что за машина? – торопливо спросила я, доставая блокнот.

– По-моему, «Рено». Такого темно-красного, насыщенного цвета, заметная машина.

– Этот мужчина был за рулем?

– Да, он сидел на водительском сиденье, – Наталья Максимовна наморщила лоб. – А я проходила к корпусу. Как раз дождь шел, я торопилась. Он не стал из машины выходить, только высунулся из окна. Я еще удивилась: дождь идет, а на нем темные очки.

– И что он сказал?

– Начал расспрашивать меня о Марианне, о том, как она училась... Но я ничего не стала ему говорить – с какой стати?

– Он как-нибудь представился вам?

– Нет, просто сказал, что он ее знакомый.

– Странно, – протянула я.

– Вот и мне теперь это кажется весьма странным! – подхватила Наталья Максимовна.

– Когда это было?

– Примерно неделю тому назад или чуть больше. В общем, сразу после смерти Марианны.

– И больше вы его не видели? Или его машину?

– Машину точно не видела, – покачала она головой. – А вот его самого... Я же говорю, что плохо его запомнила – торопилась, да еще очки эти... Но вроде бы не видела.

– Вы узнали бы его при встрече?

– Не знаю, – честно призналась Черновец. – Может, и нет. Да я с ним и говорила-то меньше минуты.

– Номер машины вы, конечно, не запомнили?

– Конечно. Я и запоминать не стала. Даже не подумала тогда, что это важно.

– Как зовут девушку, с которой Марианна жила в комнате общежития? – перевела я разговор на другую тему.

– Так же, как и меня – Наталья. Фамилия – Крохалева, – ответила преподавательница, и я записала фамилию девушки в блокнот.

– Кто еще из ваших студентов живет в общежитии?

– Многие живут, – пожала она полными плечами.

– А Лена Зубанова и Катя Переверзева?

– Катя – местная, а Лена действительно живет в общежитии, – сообщила Черновец.

– Наталья Максимовна, припомните, как Марианна вела себя в день своей гибели? Может быть, вам что-то показалось странным в ее поведении? Или, например, что-то ее тревожило? – этот вопрос был очень важен для меня.

– Я понимаю, о чем вы говорите, – кивнула Наталья Максимовна. – Но здесь я вам ничем не помогу: в тот день меня не было в училище. Студенты занимались у другого преподавателя.

– Вот как... – разочарованно протянула я. – И какие занятия у них шли в тот день?

– У них были консультации перед сессией. Сейчас я уточню...

Она достала из ящика стола тетрадь большого формата и принялась перелистывать ее.

– Вот, – наконец сказала она. – Консультации по анатомии и физиологии. Но, увы, побеседовать с педагогом вы не сможете: Ольга Васильевна четыре дня назад ушла в отпуск. Сразу после того, как ребята сдали экзамен.

– Я хотела бы побеседовать с вашими студентами, – сказала я куратору.

Это сообщение не вызвало особого восторга у преподавательницы, но и возражать она не стала.

– Что ж, – посмотрев на наручные часы, ответила она. – У них через полчаса заканчивается очередное занятие, можете подождать. Но только в коридоре, уж извините. Мне пора, я и так задержалась.

Я поблагодарила Наталью Максимовну за беседу и, выйдя из класса, спустилась на первый этаж. Времени было достаточно, и я прошла в буфет. На небольшом листочке меню, прикрепленном к стене скотчем, значились блюда: стандартный набор для подобного заведения. Первое, два вторых – на выбор, булочки-пончики-ватрушки...

Взяв чашку кофе и пирожное, я присела за столик в углу. В столовой было пусто. За стойкой хлопотала пожилая буфетчица, она же, видимо, – по совместительству – и посудомойка. Я лениво помешивала ложечкой сахар в кофе и жалела, что не прихватила с собой какой-нибудь журнальчик, дабы скоротать время.

Вскоре место за соседним столиком занял какой-то парень – довольно-таки высокий, спортивного телосложения.

«Наверное, будущий хирург», – подумала я про себя.

Все хирурги-мужчины представлялись мне такими широкоплечими богатырями под два метра ростом. Этот, правда, до двух метров явно не дотягивал, да и крепкости ему не доставало, но у него еще было время кое-что наверстать.

Парень откусил кусочек от пирожка и принялся неторопливо прихлебывать чай. Я к этому моменту уже покончила со своей нехитрой едой и решила пока что позвонить Виталику Черкасову, чтобы поинтересоваться, во сколько начинаются занятия в «Волга-спорте» – вчера я как-то не удосужилась прояснить этот момент.

Разговаривать в столовой и привлекать чье-либо внимание мне не хотелось, и я вышла во двор. Дождь уже прекратился, воздух наполнился прохладой, и я потихоньку двинулась по территории училища к воротам. Достала телефон, набрала номер, и тут... Меня словно током ударило! У ворот училища стоял темно-красный «Рено»! Я быстро взглянула на водительское сиденье: пустое. И вообще в машине никого не было.

Круто развернувшись, я бросилась обратно в училище. В вестибюле никого не было, только охранник невозмутимо занимал свое место да в конце коридора слышались приглушенные удаляющиеся шаги.

– Здесь проходил кто-нибудь? – на бегу крикнула я охраннику.

Тот лишь недоуменно пожал плечами. Я вихрем пронеслась через коридор, выскочила на лестницу, ведущую ко второму выходу, быстро спустилась по ней и оказалась на заднем дворе. Пусто! Я метнулась назад, проделав тот же путь в обратной последовательности. Никого.

Снова во двор, на улицу – машины не было! Я огляделась по сторонам, но ничего, похожего на красный «Рено», в поле зрения не обнаружила...

Глубоко вздохнув, я, теперь уже гораздо медленнее, побрела обратно в училище.

– Скажите, мимо вас несколько минут назад никто не проходил? – вновь обратилась я к охраннику.

– Только студент какой-то, – пожал он плечами, глядя на меня с некоторым подозрением. – А вы вообще-то кто?

– Я к Наталье Максимовне, – не стала я вдаваться в подробности.

Пройдя в столовую, я обнаружила лишь буфетчицу, мывшую огромную алюминиевую кастрюлю и что-то монотонно напевающую себе под нос. Столик, соседний с моим, пустовал.

– Простите, пожалуйста, – я подошла к буфетчице, и та неохотно оторвалась от своего занятия, подняв на меня глаза. – Парень, который только что здесь обедал, это ваш студент?

– Понятия не имею, – развела женщина мокрыми руками. – Хотя вроде бы нет... Во всяком случае, я раньше его не видела.

– Спасибо, – кивнула я и вышла из столовой.

Отыскать Наталью Максимовну у меня не получилось: видимо, она уже покинула пределы училища. Но что это все могло означать? Человек в красном «Рено» следил за ней? Или все же за мной? Или он вообще оказался здесь по своим делам, и я лишь случайно натолкнулась на его машину? В сущности, Наталья Максимовна не могла бы мне ответить на эти вопросы: она сразу предупредила, что вряд ли сможет узнать человека, расспрашивавшего ее о Марианне Новожиловой. И самое главное, что я, торопыга, впопыхах не обратила внимания на номер, украшавший блестящий «Рено»!

«Одним словом, Татьяна Александровна, вы малость лопухнулись, – со вздохом призналась я самой себе. – И теперь вам придется исправлять эту ошибку!»

Исправить собственную оплошность я была вполне готова, вот только не знала покуда, как это сделать...

Посмотрев на часы, я увидела, что полчаса, оставшиеся до окончания занятий, истекли. И теперь можно хотя бы побеседовать со студентами. Вдруг этот владелец «Рено» подходил к кому-то из них, и сейчас прояснится хотя бы что-нибудь?

Теща себя этой надеждой, я отправилась беседовать с однокашниками Марианны.

* * *

Занятие закончилось, студенты шумной толпой выходили из кабинета. Я остановилась чуть поодаль и громко произнесла:

– Уважаемые студенты! Минуточку внимания! Я веду расследование гибели вашей одгруппницы, Марианны Новожиловой. Наталья Максимовна заверила, что вы готовы оказать мне содействие в раскрытии этого преступления. Поэтому убедительная просьба – задержаться для короткой беседы.

Студенты растерянно остановились, молча оглядывая меня. Некоторые начали перешептываться. Затем все взгляды обратились к высокой, широкой в кости девушке с темно-русыми волосами, заплетенными в косу, уложенную «корзиночкой». Девушка была в форменном брючном зеленом костюме. Крупные черты ее лица казались несколько надменными.

– Ну... хорошо, – кивнула та, принимая какой-то неестественно-представительный вид. – Меня зовут Елена, я староста группы.

– Елена Зубанова? – уточнила я, доставая блокнот и также напуская на себя серьезный вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.